
Олег Гдоп
НАСЛЕДИЕ РУИН
Часть 6 • Котельная

Олег Гдоп

Наследие руин. Часть 6: Котельная

https://litres.ru/74787487
SelfPub; 2026

Аннотация

Котельная – одна из самых сильных коммун Окраины – постепенно подчиняет своей власти все банды и мелкие общины вокруг. Лишь хорошо организованная и укреплённая Пятиэтажка ей не по зубам. Главарь Котельной знает, что заправляющий Пятиэтажкой старый инженер Ворчун лишён амбиций и не принесёт проблем. Однако совершенно не ясно, как поступит его преемник.

Содержание

Семья	4
Одноглазый	15
Пятиэтажка	24
Пришлые	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наследие руин.
Часть 6: Котельная

Семья

Зал совещаний Котельной, расположенный на верхнем этаже бывшего офисного здания довоенного теплоузла, был богато декорирован. Впрочем, и сам Совет, который периодически собирался здесь обсудить текущие дела, состоял исключительно из членов правящей семьи. Другим обитателям коммуны, за исключением прислуги, заходить в здание было категорически запрещено – преданная охрана без малейших угрызений совести была готова всадить клинок под ребро любому желающему поинтересоваться жизнью внутри.

Посреди просторной комнаты, стены которой были завешаны старинными гобеленами и стендами с блестящим оружием, тянулся длинный стол из полированного дуба. На нём царила непозволительная по меркам Окраины роскошь. В центре, на большом серебряном блюде, испускала пар запечённая с пряными травами индейка. Рядом стояли бутылки тёмного стекла с густым выдержанным вином. Подрагивающее мерцание восковых свечей отражалось огоньками в начищенных столовых приборах. Глядя на это великолепие, трудно было поверить, что за пределами здания рядовые жи-

тели коммуны ежедневно обходились тарелкой пресной похлёбки.

Во главе стола в громоздком железном кресле-каталке сидел сам предводитель Котельной – старый, высохший, как мумия, мужчина с бледным лицом. Его ноги, полностью парализованные ещё до Великой войны, укрывал толстый шерстяной плед. Старик не мог ходить, но его взгляд – цепкий и расчётливый – намертво удерживал власть над всем этим огромным индустриальным муравейником.

По левую руку от главного расположился его двоюродный брат – грузный и угрюмый, в видавшем виды армейском кителе. На широком ремне он носил офицерский кортик, богато украшенный золотыми элементами. Парадное оружие высших чинов довоенных армий резко контрастировало с обделённым интеллектом морщинистым лицом мужчины и нередко становилось объектом насмешек со стороны племянников.

Далее сидела дочь главы коммуны. Женщина была одета в роскошное бархатное платье и держалась очень гордо. Но за маской надменности было заметно глубокое разочарование жизнью: перенесённая в детстве угревая сыпь навсегда покрыла её лицо ужасной коркой повреждённой кожи. Завидная невеста по статусу – в жизни она отталкивала достойных женихов своей уродливой внешностью.

По правую руку от главаря строго по возрасту – от старшего к младшему – расположились три его сына. Старший и

средний уже крепко держали в руках сферы влияния Котельной, а младшего только недавно стали вводить в курс дел.

* * *

Старший из братьев, нисколько не смущаясь, подцепил вилкой самый сочный кусок запечённой индейки и небрежно кинул его на свою тарелку. Затем он, отхлебнув вина из своего кубка, перевёл взгляд на главу семейства.

– Отец, мы взяли под контроль все мелкие банды на юге вплоть до земель Академии, – развалившись на стуле, лениво начал он. – На рынке почти каждая постоянная торговая точка платит нам дань. Ни одна телега с барахлом не проходит через рынок без нашего ведома. Наше влияние растёт с каждым днём, и все вокруг это знают.

Средний согласно ухмыльнулся, подвигая к себе бутылку вина и наклоняя её к своему кубку. Он поспешил вставить своё слово, явно желая утереть нос старшему.

– Насчёт рынка брат прав, дела идут в гору... Но подвластное мне хозяйство уже приносит заметно больше, – в его глазах блеснул огонь алчности. – Бордель, который я открыл в прошлое лето, уже окупил все затраты и обеспечивает хороший приток еды и даже золота круглый год.

Он сделал долгий глоток, смакуя вино и собственное превосходство.

– Помните, как вы все ржали? – злорадно ухмыльнулся он.

– Никто ведь в мою идею не верил. Дядя вон тоже пальцем у виска крутил. Говорили: «Кто станет платить, если за кусок вяленого мяса на рынке можно взять любую желаемую бродяжку?» Да, в грязи за углом – можно. Но людям, у которых завелось лишнее золотишко, хочется другого.

Средний брат подался вперёд, опёршись локтями о дубовый стол.

– Мои люди расчистили несколько помещений в полуразрушенном здании сразу за рынком, – с гордостью продолжил он. – Мы утеплили окна, соорудили там отличные кирпичные печи и поставили огромную купель, где клиенты могут помыться в тёплой воде. Для Окраины это запредельная роскошь. Сами девки у меня всегда чистые, сытые и не больные – за этим строго следим. Охотники, торговцы, даже патрульные – все теперь идут ко мне, чтобы хоть на час почувствовать себя людьми. За это они без разговоров отдают ресурсы.

Младший – юноша с начинающим пробиваться пушком на подбородке – слушал брата с открытым ртом, его глаза блестели от рассказов о золоте и безграничной власти их клана.

Дочь главы коммуны, до этого сидевшая со скучающим видом, резко опустила свой кубок на стол. Звон серебра о дерево заставил братьев замолчать. Она небрежным движением как бы смахнула невидимую пыль с рукава платья и обвела мужчин ледяным взглядом. Корка зарубцевавшейся кожи на её лице отталкивающе натянулась.

– Доход круглый год, говоришь? – её голос прозвучал презрительно. – Тёплая купель и чистые девки? Прекрасно. А теперь скажи мне, братец, сколько дров сжигают твои печи, чтобы клиентам было тепло? И сколько рабочих рук из Котельной приходится постоянно задействовать, чтоб содержать это место?

Она повернулась к старшему брату, который всё ещё лениво жевал мясо.

– И ты туда же. Мелкие банды юга... Вы оба ослепли от собственной важности. Да, рынок под нашим контролем, это правда. Но вы хвастаетесь победами над нищими и оборванцами, пока под самым нашим носом процветает Пятиэтажка. Одну из самых сильных и богатых коммун Окраины мы так и не смогли подчинить. Они производят столько товаров, что можно обеспечить ещё три такие коммуны. Они спокойно торгуют на рынке и за это не платят. У них полная автономия и независимость. И плевать они хотели на величие нашего клана.

Маска надменности на изуродованном лице женщины сменилась искренней, деловой злостью.

– Пятиэтажка – это не кучка бродяг на рынке. Это крепость. У них есть мастера, есть работающие станки, оружие и идеальный порядок. Пока вы считаете гроши из борделя, они укрепляют свои стены. И если мы не найдём способ подмять их под себя, то скоро их мастера начнут диктовать условия нам.

Хвастливая атмосфера за столом мгновенно испарилась, уступив место давящему напряжению. Старшие братья угрюмо переглянулись, заметно сбавив спесь, а дядя недовольно пожевал губами, так и не решившись высказаться. Слова женщины ударили по их самолюбию, но возразить им было нечего.

Тишину нарушил скрип – отец семейства слегка развернул своё кресло-каталку, переводя взгляд с дочери на сыновей. Его хриплый, властный голос мгновенно заставил всех присутствующих притихнуть.

– Дина права. Вы радуетесь грошам с рынка и девкам в купелях, пока у вас под боком зреет угроза. Но ты, дочка, видишь только внешнюю сторону. Крепость, запасы, оружие... Это всё просто железо и бетон. Главная сила Пятиэтажки – это старый хрыч Ворчун.

Глава коммуны откинулся на спинку кресла и поправил плед на парализованных ногах.

– Я хорошо знаю Ворчуна, – продолжил он, и его глаза сузились. – Мы пересекались ещё тогда, когда руины вокруг были тёплыми. Этот старикан – гений механики, но он напрочь лишён амбиций. Абсолютно. Ему не нужны наши земли, не нужно наше золото и власть над Окраиной. Всё, чего он хочет, – это чтобы его бетонный скворечник функционировал безупречно. Он копается в своих чертежах, чинит станки и просто хочет, чтобы его оставили в покое.

Старик сделал паузу, неспешно обводя глазами собрав-

шихся, поочерёдно фиксируя взгляд на каждом из них.

– Но Ворчун слабый по здоровью, – отчётливо произнёс глава клана. – Он едва дышит и скоро откинется – это вопрос года, может, двух. И вот тогда начнётся самое страшное. Если его место займёт кто-то амбициозный... Кто-то, у кого кроме ума будут ещё и зубы... Кто-то, кто посмотрит на наши цеха и решит, что Котельной пора сменить хозяев. Пятиэтажка имеет дисциплину, работающие станки и технологии. Если их возглавит молодой, умный и голодный вожак, нам всем конец. Они сомнут нас за лето.

Младший брат испуганно перевёл глаза с отца на братьев. Картина всемогущества их клана, которую только что рисовали старшие, рассыпалась в прах перед суровой логикой умудрённого жизнью старика.

– Так в чём проблема? – прервал тишину дядя, и его щёки налились краской негодования. – Чего мы ждём? Пока он сам загнётся и передаст власть какому-нибудь молодому волку? Давай, я возьму пяток проверенных бойцов, а для ударного кулака – полсотни головорезов из дальних банд. Бандитам представим, что вылазка за ресурсами. И пока они кинутся грабить склады, я со своими попробую найти старика в тёмных коридорах и прирезать его. Нет человека – нет угрозы. Никто даже не догадается о причастности Котельной, в случае неудачи всё спишем на бандитов.

Старшие сыновья одобрительно зашушукались, переглядываясь. Младший восторженно уставился на дядю, ожидая,

что отец прямо сейчас подпишет Пятиэтажке смертный приговор и одобрит этот славный, победоносный поход. Но старик даже не дрогнул. Он медленно перевёл свой цепкий, расчётливый взгляд на брата, и в глазах калеки блеснуло такое ледяное презрение, что грузный мужчина в армейском кителе осёкся.

– Прирезать в тёмном коридоре? – тихо, с ядовитой издёвкой переспросил глава коммуны. – Ты думаешь, ты один такой умный, брат? Думаешь, их хвалёный бетонный скворечник – это проходной двор? Ворчун не дурак, он параноик. Он превратил этот дом в чёртову крепость. У них там везде бойницы и сигнальные растяжки. Вас положат ещё на подходах.

Дядя густо покраснел, морщины на его лбу исказились от скрытой обиды. Он бросил быстрый взгляд на племянников, которые тут же отвели глаза, и недовольно вскрикнул:

– Мы сильнее! У нас люди, у нас оружие... Нельзя сидеть и ждать!

– Сидеть и ждать мы не будем, – отрезал старый глава клана. – Нам не нужно проливать кровь почём зря и гробить бойцов в ловушках. Нам нужно действовать тоньше... Ворчун скоро умрёт сам. Но мы должны сделать так, чтобы после его смерти там не осталось никого, кто сможет поднять этот дом против нас. И у меня есть план.

Он медленно повернул голову к младшему сыну, который от такого внимания отца вжал плечи в стул и затаил дыхание.

– Завтра же ты начнёшь собирать вещи, малый, – чётко, чеканя каждое слово, произнёс глава коммуны, и его сухой палец указал на парня. – Ты отправишься на обучение. В двух днях пути на востоке есть большая развитая коммуна – Аэропорт. Там всё устроено иначе. Там есть технологии, о которых на Окраине давно забыли. В их Совете сидит мой друг детства. Я лично напишу ему письмо и передам такие подарки, от которых они не смогут отказаться. Твоя задача – впитывать всё как губка. Ты научишься там военной тактике, управлению и наукам. Ты станешь умнее любого в этом доме.

Старик сделал паузу, и на его бледных губах змеёй промелькнула жестокая улыбка.

– Когда через год-два вернёшься с востока, ты не останешься в Котельной. О твоём родстве с нами уже никто помнить не будет, да и ты сам заметно изменишься за это время. Придёшь к Пятиэтажке как пришлый, который ищет приюта. С теми знаниями и умом, что привезёшь из Аэропорта, Ворчун заберёт тебя с руками и ногами. Ты обоснуешься там, завоюешь авторитет, втрёшься в доверие к мастерам и постепенно войдёшь в их Совет. А когда старый хрыч откинется – займёшь его место. И тогда эта крепость сама окажется в наших руках без единого выстрела.

Парень восторженно вздохнул, его бледное лицо вспыхнуло от смеси страха и дикого восторга. Старшие братья ошеломлённо переглянулись – они явно не ожидали от отца на-

столько тонкой и дальновидной игры. Дочь главы Котельной удовлетворённо кивнула, поражённая масштабом отцовского замысла.

Но дослушать план до конца Совету было не суждено.

Дядя взбешённо вскочил. Стул под ним с грохотом отлетел назад. Мужчина с надрывом, почти срываясь на крик, выпалил прямо в лицо парализованному старику:

– Я, брат, имею в Котельной право голоса не меньше твоего! Не забывай, что хоть ты все эти годы и придумывал идеи, но реализовал их именно я! Я докажу, что мой план лучше. Я быстро разделаюсь с этими жестянщиками!

Он резко выдернул из ножен свой офицерский кортик и с силой вонзил его в крышку стола.

– Мне не нужно твоё одобрение! – продолжил он на повышенных тонах. – Мы с Лысым наведаемся на рынок. У меня там есть знакомый по прозвищу Одноглазый, он знает там каждого и точно скажет, когда будет тележка из Пятиэтажки! Я дам их торговцу такие привилегии, что он с потрохами сдаст Ворчуна и всех его приспешников.

Дядя рванул кортик из дерева, круто развернулся и направился к выходу... Уже перед самой дверью он обернулся и добавил:

– Если торговец затупит и не пойдёт на сделку, то я реализую свой план нападения. Мы наберём столько людей, что хватит завалить телами все бойницы Пятиэтажки.

Тяжёлая дверь с грохотом захлопнулась, заставив пламя

восковых свечей испуганно дрогнуть, выделяя из мрака застывшие лица сидевших за столом.

Одноглазый

Парень в заношенной, но прочной куртке и добротных армейских сапогах неспешно шёл по рынку Окраины, раскинувшемуся на руинах бывшего торгового центра. По жилистой шее и широким плечам было сразу видно, что он обладает недюжей силой и военной выправкой. Молодой человек медленно брёл между торговых рядов, подставляя заросшие щетиной щёки тёплым лучам первого весеннего солнца. Никуда не торопясь, он лениво разглядывал скудные товары, разложенные на камнях и на тележках: ножи, инструменты, мешки с солью, овощи, вяленое мясо.

Вскоре его взгляд зацепился за лавку со старым железом, в которой сидел мерзкий старик с редкими слипшимися волосами. Одетый в заношенные лохмотья, он тем не менее не был похож на человека, испытывающего недостаток в еде. Одна из его глазниц была пуста и затянулась кожей. Своим единственным глазом торгаш сразу оценил парня и принялся расхваливать свой товар:

– Подходи, милок! – дребезжащим заискивающим голоском запел он, потирая сухие, покрытые въевшейся грязью ладони. – Гляди, какое добро! Редкие старинные ножи, не чета нынешнему хламу! Есть местный табак, кисловатый, правда, но никто не жалуется. Могу предложить даже особые сушёные грибы – пожуёшь один и отъедешь на весь вечер... А мо-

жет, девочку? У меня знакомый тут недалеко такой бордель отменный держит, там и помыться можно, и переночевать.

Парень подошёл ближе и, оперевшись крепкими кулаками о край прилавка, снисходительно усмехнулся:

– Как торгуется, Одноглазый? Есть спрос нынче на ножи?

– Покупают понемногу, мил человек. Бери, не пожалеешь. Возьмёшь два, третий отдам бесплатно.

– Слушай, ты тут целый день на ногах, всё видишь, всё знаешь. Давай-ка после того как закончишь торговлю, посидим со мной за компанию? Вон там лавка с пивом. Давно не был в этих краях, угощаю. Поведаешь мне о новостях Окраины, – парень бросил вопросительный взгляд на торговца. – Что скажешь?

Старик зыркнул своим единственным глазом на крепкие кулаки парня, затем покосился на гору своего нераспроданного хлама. Он хоть и хвалился, но на деле торговля в этот день шла не очень – с утра не было продано ни одного ножа. Перспектива нахаляву выпить манила куда сильнее, чем унылое торчание у прилавка.

– А и то правда, – Одноглазый криво ухмыльнулся, обнажив редкие гнилые зубы. – Горло совсем пересохло от этой пыли, а от хорошего пивка ещё никто не отказывался. Сворачиваю лавочку. Раз такое дело – уважу крепкого человека, составлю компанию.

Старик торопливо сгрёб свой скарб в деревянный ящик, повесил на него старый железный замок и накрыл сверху

куском промасленной мешковины, после чего последовал за парнем.

* * *

Пивная лавка представляла собой глубокую нишу в полуразрушенном здании с грубым прилавком и несколькими столиками, сооружёнными из бетонных глыб. Запах табака и сырости, казалось, пронизывал всё вокруг.

Парень уверенно прошёл в самый дальний, погружённый в полумрак угол и дождался, пока Одноглазый, кряхтя и потирая затёкшие суставы, усядется на трухлявую доску, брошенную поверх камня-стула.

На стол опустились две увесистые глиняные кружки с мутной, пенной жидкостью. Старик жадно припал к своей, шумно сглатывая и блаженно зажмуривая единственный глаз. Парень к выпивке почти не прикоснулся – он лишь лениво крутил в пальцах кружку, внимательно наблюдая за торговцем.

– Хорошо пошла, милок, ух хорошо! – Одноглазый смахнул грязным рукавом пену с губ и уставился на собеседника. – Ну, выкладывай, крепыш, какими судьбами в наших краях? Чьих будешь?

Парень снисходительно ухмыльнулся: никто даже представить не мог в нём сына главаря Котельной – бледного юношу, который в прошлом году уехал отсюда на учёбу. Впро-

чем, он и раньше редко выходил за пределы укреплённого двора родной коммуны, поэтому совершенно не боялся, что кто-то мог его опознать.

– Зови меня Пилот, – спокойно ответил парень, скрестив пальцы и звонко хрустнув суставами.

– Пилот? – старик удивлённо хмыкнул, оглядев его мощную, жилистую шею. – Хех, странное погоняло для такого жеребца. Ну да ладно, Пилот так Пилот. Так о чём потрындеть хотел?

Молодой человек слегка наклонился вперёд, поставив локти на импровизированный стол.

– Да так, ищу, к какому берегу прибиться, – небрежно начал он, пододвигая свою нетронутую кружку ближе к лавочнику. – Притопал издалека, места здешние толком не знаю. Подскажи, дед, раз ты тут всё видишь: какой коммуне сейчас крепкие руки нужны? Я парень не гордый. Могу хоть физическую работу делать, хоть солдатом пойти, если арбалет дадут. Главное, чтоб платили честно и кормили вовремя. Где сейчас сытнее и порядка больше?

– Руки, говоришь... С такой рамой тебя в нашей Котельной бы забрали, да только соваться туда сейчас не советую, перспектив мало. Да и главарь у них недавно сменился. Предыдущий совсем плох был, не ходил, а потом и вообще откинулся...

У парня сильно ёкнуло внутри. Дыхание перехватило, а сердце бешено застучало. Он едва не вскрикнул и с боль-

шим трудом сдержал эмоции. Отец мёртв! Известие настигло его так внезапно, прямо посреди грязного рынка, из уст полупьяного рыночного торговца. В Аэропорту учили хладнокровию, но сейчас ему потребовались колоссальные, почти нечеловеческие усилия, чтобы удержать эмоции. Пальцы сжались в кулаки и побелели до судорог, а в голове неожиданной вспышкой промелькнула сцена из детства...

* * *

Был тихий летний вечер. Тёплый воздух наполняли ароматы цветущих лип и полевых цветов. За открытым окном с пронзительными криками носились стрижи, выписывая в небе стремительные виражи.

Отец неподвижно сидел в своём громоздком железном кресле, вглядываясь вдаль. Его младший сын увлечённо играл рядом на полу со своей любимой игрушкой – это был неуклюжий деревянный человечек, которого один из солдат выстрогал из куска полена.

В пылу игры мальчик случайно наступил на игрушку. Хрупкое дерево треснуло и развалилось надвое. Для ребёнка это была катастрофа. Он смотрел на обломки, а на глаза навернулись слёзы детской обиды. Обиды, при которой кажется, что мир рухнул навсегда.

Отец медленно притянул плачущего сына к своим коленям и слегка погладил его по голове.

– Ну тихо, малый, тихо, – негромко, с непривычной мягкостью проговорил старик, и его цепкий взгляд на миг потеплел. – Не реви. Дерево можно склеить, железо – переплавить. Всё, что сделано руками, можно починить. Главное – сам не сломайся внутри.

Отец замолчал, уставившись в окно, словно сквозь годы смотрел на кого-то другого. Он покрепче перехватил плечи сына и тихо, почти шёпотом, продолжил:

– Я ведь тоже когда-то сломался, малый. Был молодым, глупым. Случилась в жизни какая-то ерунда – сейчас уже и не вспомню, из-за чего именно у меня тогда свет клином сошёлся. Какая-то обида, сущая глупость... Но мне тогда показалось, что мир потерял смысл, а выхода нет. И знаешь, что я сделал? Сдался. Решил расстаться с жизнью. Думал, что так будет проще.

Отец тяжело выдохнул, и его пальцы на мгновение сжались сильнее.

– В итоге глубокая кома. Считай, одной ногой уже в могиле стоял. Но друзья... друзья не бросили. Вытащили меня с того света, можно сказать, зубами у смерти вырвали. Вот только плата за ту мою слабость оказалась страшной. Очнулся я живым, а ноги – отнялись. Навсегда. Самое жестокое, малый, это то, что ту свою проблему я перерос. А вот эти мёртвые ноги остались со мной на всю жизнь как вечное, несмываемое напоминание о том дне, когда я проявил малодушие.

Старик посмотрел сыну прямо в глаза – жёстко, но с безграничной любовью.

– Но именно тогда во мне проснулась такая дикая, бешеная страсть к жизни, какую обычным людям никогда не понять... А когда началась Великая война, когда вокруг творился сущий ад, сильные и здоровые мужики ломались, сходили с ума и гибли сотнями... Я выстоял. Выстоял, потому что не остался один – я заставил других сплотиться вокруг себя, подчинил их своей воле. Безногий, в железном кресле, я выжил благодаря своему уму и организовал эту Котельную, потому что внутри меня горел огонь, который я сам когда-то чуть не потушил. Помни об этом, сын. Никогда не ищи лёгкого выхода. Твоя жизнь – за неё надо драться до конца.

* * *

Стиснув зубы, Пилот заставил себя не отвести взгляд с Одноглазого, не вздрогнуть и сохранить на лице всё ту же маску ленивого, сытого безразличия... Неожиданно он остался без поддержки мудрого старика-отца. И дальше нужно было прорабатывать стратегию самостоятельно. Но по крайней мере он точно знал, чего хочет добиться...

– Откинулся, говоришь? Ну и что в этом такого? Был один главарь, теперь другой – обычное дело.

– Э-э-э, нет, паря, ты не понимаешь! Старый-то хоть и неходячий был, но очень умный. Держал всю эту свору в же-

лезном кулаке, хитрые планы строил, людей щадил. А теперь вместо него у руля его недалёкий брат. Весьма глупо управляет, скажу я тебе. Жадный, тупой, только орать и умеет. Поборы с торговцев поднял, своим приспешникам пайки урезал, а всё золото только на себя спускает. Члены коммуны им сыты по горло, вот-вот бунт поднимут... Не суйся сейчас туда, небезопасно.

– Да ладно тебе, дед. Прямо-таки и бунт? Чего ради им на рожон лезть, если у них там цеха, оружие, сила? Что такого этот твой новый вожак сделать мог, чтоб его свои же приресзать захотели?

Захмелевший Одноглазый жадно заканчивал поглощать содержимое второй кружки, и его язык окончательно развязался.

– А то и сделал, что дурак! – старик злорадно ухмыльнулся, переходя на приглушённый, свистящий шёпот. – Слухи ходят... Этот идиот не послушался покойного главаря, собрал банду из местных отмороженных головорезов и ночью напал с ними на Пятиэтажку... Ну и, как следовало ожидать, отгрёб по полной! Сунулся в темноте, думал нахрапом взять. А у них там оборона получше любой крепости – это каждый в округе знает... На что надеялся, недоумок?

Пилот слушал Одноглазого с абсолютно непроницаемым лицом, хотя внутри у него всё кричало от горькой иронии. Дядя всё-таки совершил ту самую ошибку, от которой его предостерегал отец. Старик видел это наперёд – он знал, что

его тупоголовый брат погубит себя и своих приспешников.

Теперь парень только больше утвердился в мысли: нужно действовать строго по советам отца, чтоб успешно завершить разработанный им план. Пятиэтажка должна перейти под власть клана, и действовать надо умом и хитростью, а не грубой силой.

– Да уж, знатный придурок, – задумчиво протянул Пилот, лениво постукивая пальцами по бетонному столу. – Раз в Котельной такие вожаки, то ловить там действительно нечего. А что в этой Пятиэтажке? На работу они людей берут, раз у них там такой порядок и бойцы крепкие?

Одноглазый допил остатки халявного пива и ответил:

– Пятиэтажка – хорошее место, там никто не голодает. Однако пришлых берут неохотно и понемногу. Но люди умирают от болезней и старости – поэтому, если повезёт, получишь крышу над головой и тарелку каши на каждый день. Завтра как раз их мастер должен товар привезти, подойди к нему, поинтересуйся. Он недалеко от центрального входа останавливается, там, где стена с ржавыми навесами.

Пятиэтажка

Морозным весенним утром Пилот сидел в бетонной нише на рынке, за освободившимся с вечера прилавком. Было слишком рано, и владелец торговой точки ещё не прибыл на место, так что можно было спокойно обозревать окрестности, не привлекая к себе лишнего внимания. Воздух после ночных заморозков колол лёгкие, но лучи восходящего солнца уже начинали растапливать иней, поднимая от земли едва заметный пар.

* * *

Захмелевший Одноглазый покинул парня вечером, сославшись на головную боль – он обитал где-то в местных руинах и не горел желанием приютить здоровяка у себя. Но Пилот не нуждался в снисхождении – привыкший в жёстких тренировках к выживанию в экстремальных условиях, он достал из рюкзака плащ, плотно закутался в него, направив дыхание внутрь. Перейдя в режим полусна, он слышал всё, происходящее рядом, готовый быстро очнуться и поразить любого недоброжелателя.

В этом состоянии мысли унеслись в прошлое лето. В тот день, когда он, ещё совсем зелёный, впервые увидел комму-

ну со странным названием – Аэропорт.

* * *

После убогих цехов родной Котельной Аэропорт казался целым городом. Гигантское сооружение из стекла и бетона возвышалось посреди поля. Никакого мусора вокруг, никаких руин – всё здесь было идеально вычищено. Широкий длинный ров, заполненный водой, окружал здание. Перед рвом – так же чётко вымеренная, очищенная от леса полоса земли, где ни один враг не смог бы подобраться незамеченным. Дальше располагались подвластные земли – коммуна, как феодал, собирала дань со всех сёл в радиусе пяти-десяти километров.

Главное здание Аэропорта выглядело монументальной и неприступной крепостью нового времени. Его фасады, когда-то полностью застеклённые, теперь внизу были переделаны в кирпичные стены с узкими окнами-бойницами, через которые нельзя пролезть, но можно вести прицельный огонь по врагу. По всему периметру крыши были также пристроены зубчатые бойницы, делая технологичный довоенный терминал похожим на грозный средневековый замок.

Приезд в Аэропорт навсегда врезался в память парня. Он приблизился к коммуне по длинной, открытой со всех сторон дороге, чувствуя себя живой мишенью под пристальными взглядами невидимых дозорных. Массивный деревянный

мост, перекинутый через ров, охранял патруль. Солдаты разительно отличались от оборванных ополченцев Окраины. Они были одеты в одинаковую, пусть и изношенную армейскую форму, а в руках держали ухоженное огнестрельное оружие.

Парня заставили остановиться на безопасном расстоянии, обыскали, отобрали копьё и нож. Только после того как командир патруля внимательно изучил письмо отца, его провели внутрь.

Масштабы помещений здания поражали не меньше, чем его внешняя суровость. Вместо тесных, душных закоулков Котельной здесь были колоссальные залы с невероятно высокими потолками. Вверху висели массивные каркасы довоенных информационных табло, на которых вместо расписания теперь красовались строгие лозунги о дисциплине, порядке и труде.

Здесь кипела жизнь: множество людей двигались быстро, без суеты – каждый был занят своим делом, подчиняясь невидимому строгому расписанию.

Конвойный привёл парня в просторный административный кабинет. Старый чиновник, оторвавшись от бумаг, недовольно нахмурился и ругнулся:

– Чёрт бы вас побрал... Нашли время отвлекать от работы из-за какого-то мальчишки!

– Виноват. Но у нас вот это, – спокойно ответил солдат и положил на стол письмо.

Чиновник фыркнул, взял конверт и принялся бегло читать бумагу. Его лицо заметно смягчилось. Отложив лист, он кивнул конвойному на дверь, и когда тот вышел, указал гостю рукой на кожаный диван у стены:

– Присаживайся.

Парень, всё ещё пребывая в состоянии изумлённого восхищения, достал из внутреннего кармана массивный слиток чистого золота и передал мужчине. Тот сразу же оценил – за такое сокровище можно было бы купить целую местную деревню со всеми её жителями.

– Твой отец просит сделать из тебя человека, способного управлять людьми и понимать технологии, – строгим голосом произнёс чиновник. – У меня должок перед твоим стариком: он сделал мне большую услугу, когда до войны мы были ещё студентами. И как видишь, я это не забыл и готов отплатить. Твоего золота с лихвой хватит на то, чтобы ты не растрачивался на хозяйственные работы, а полноценно сосредоточился на учёбе и тренировках. Мы научим тебя уму и дисциплине – такие навыки у вас на Окраине вам и не снились...

* * *

Резкий лай собаки заставил парня едва заметно вздрогнуть. Воспоминания отступили, растворившись в предрассветной прохладе руин.

Рынок медленно оживал. Сквозь редеющий утренний туман Пилот наблюдал, как торговцы волокут свои тележки и раскладывают товар. Наконец он увидел то, чего ждал: добротно слаженная тележка, гружённая ящиками, вкатилась во двор. По металлическому лязгу угадывалось, что внутри оружие. Средних лет бородатый мастер со знанием дела припарковался под ржавым жестяным навесом. Его помощник – тощий парнишка – помогал выкладывать груз. По глазам было видно, что это сын торговца.

Пилот выдержал паузу, затем поднялся, свернул плащ и побрёл к оружейнику, стараясь не показывать, что являлось его истинной целью. Он шёл неторопливо, лениво переступая выбоины под ногами. Его взгляд блуждал по чужим прилавкам, задерживаясь то на пушнине лесных охотников, то на бутылях с мутным пойлом. Он создавал образ обычного праздного бродяги, у которого в карманах гуляет ветер.

Оплаченные отцовским золотом занятия в Аэропорту приучили его подмечать детали, незаметные для обывателя. Тележка Пятиэтажки была сработана на совесть: оси смазаны, колёса аккуратно окованы листовым железом. Мастер и его сын раскладывали товар без суеты, слаженно. Парнишка то и дело бросал по сторонам цепкие, настороженные взгляды – мал ещё, нервничает. А вот отец двигался с абсолютным, весомым спокойствием человека, который знает цену своему ремеслу и своей силе.

Поравнявшись с тележкой, Пилот просто опустил взгляд

на ряды ножей, заложив руки за спину.

– Хорошая работа, мастер, сделано качественно. Сейчас по пальцам можно сосчитать мастеров, которые знают толк в обработке железа.

– Приценяешься, парень, или просто сталь хвалить пришёл? – голос мастера прозвучал сильно и спокойно. – Инструмент дорогой. За пустые разговоры не отдаём.

– Купить мне не на что, – как можно откровенней ответил Пилот, прямо и открыто встретив взгляд оружейника. – Золота нет, барахла на обмен тоже. Я работу ищу. Слышал, вашей коммуне крепкие руки не помешают.

– Рук на Окраине полно, – обронил мастер с лёгким, привычным пренебрежением. – Каждый второй готов за тарелку каши пахать. Только мы пришлых в дом не водим. От них больше сора и воровства, чем толку. Если силу девать некуда – иди вон в Котельную, там таких здоровых лбов быстро пристраивают.

Внутри у Пилота на долю секунды ёкнуло от упоминания родного дома, но внешне он не выдал себя ни единым мускулом.

– В Котельной сейчас у руля тупица, для которого люди – мусор. А я мастер на все руки: и камни таскать умею, и головой работать. Сейчас весной работы в поле начинаются, мои руки вам точно лишними не будут.

Чужак говорил весьма убедительно. В Пятиэтажке действительно не хватало рабочей силы, а этот парень не выгля-

дел как проходимец и излагал серьёзные намерения.

– Про посевную верно говоришь, – спокойно произнёс мастер. – Нам люди на земле нужны, скрывать не стану. Только Пятиэтажка – это не проходной двор. Каждый, кто входит в наш дом, должен доказать, что от него будет толк.

Сын мастера – Андрей – робко возразил:

– Бать, а если он шпион? Глянь на него. И куртка у него крепкая, не из местных обносков. Откуда он такой выискался?

Пилот даже не повернул головы в сторону подростка. Он продолжал держать твёрдый зрительный контакт с мастером, сохраняя на лице маску спокойного и уверенного в себе человека.

– Твой малый прав, мастер, – спокойно ответил Пилот. – Время суровое. Доверять первому встречному – глупость. Поэтому я готов работать под постоянным надзором и спать во дворе, чтоб доказать свои намерения.

Оружейник подошёл ближе к Пилоту, оценивая его рост и ширину плеч.

– Как звать-то тебя, «мастер на все руки»?

– Пилот.

– Хорошо, Пилот. Мы закончим торговлю к вечеру. Если к тому времени не передумаешь, подходи. Но моё слово в коммуне не решающее, тебе придётся пообщаться с Советом – только решение большинства определит, будешь ли ты с нами или нет.

Пришлые

Решение о том, чтобы взять новенького, Совет Пятиэтажки принял на удивление быстро, хотя без стандартного допроса всё же не обошлось. Члены Совета поинтересовались, откуда он пришёл, почему покинул Аэропорт, с какой целью решил прибиться к коммуне. Парень отвечал коротко, без лишних эмоций, но уверенно, и этого оказалось достаточно, чтобы ему дали добро.

* * *

Охранник привёл Пилота на этаж, где проживали пришлые. Эти бродяги пытались прибиться к Пятиэтажке, чтоб не погибнуть в руинах разрушенного мира. Они делали тяжёлую и грязную работу, но взамен получали еду и крышу над головой, а в перспективе – возможность стать полноправными членами коммуны.

Индивидуальных апартаментов для пришлых не полагалось – они жили в комнатах по пять человек, деля между собой скудный быт. Из мебели здесь были только сколоченные из деревянных жердей кровати, стоявшие вдоль стен. На них лежали громоздкие матрасы, набитые сухой травой, и такие же грубые шерстяные одеяла.

Когда Пилот вошёл, разговоры у железной буржуйки мгновенно смолкли. Четверо обитателей уставились на новичка. Это были бывалые бродяги, побитые жизнью на Окраине. Они сразу принялись оценивать гостя, выискивая признаки слабости.

Пилот неторопливо кинул свои вещи на единственную свободную койку у самого входа.

– Слышь, верзила, – от печки поднялся приземистый, широкоплечий мужчина с поломанным носом и сальными волосами. Он сделал два шага вперёд, демонстративно закладывая большие пальцы за широкий ремень. – Ты свои манатки отсюда убери. Твоё место вон там, у двери. Полежишь пока на полу, осмотришься, правила наши выучишь.

Остальные трое одобрительно ухмыльнулись. На Окраине всегда пытались задвинуть новичка в первую же минуту, сломать его и заставить подчиняться, чтобы забирать лучшую еду и тёплые места.

Пилот даже не повернулся к нему. Он медленно присел на койку, не обращая внимания на блатной тон бывалого жильца. Жёсткие тренировки приучили его решать такие вопросы мгновенно и без лишних слов.

– Перетопчешься, – спокойно, почти лениво ответил Пилот. Его голос прозвучал веско, без капли страха или суеты.

– Чего ты вякнул, щегол? – рванулся вперёд верзила, сокращая дистанцию. Он занёс кулак для быстрого подлого удара в челюсть, желая сразу повалить парня.

Но Пилот сработал на опережение. Движение его тела было настолько быстрым и точным, что бывалые бродяги у печки даже не успели вскочить со своих мест. Пилот легко уклонился от замаха, перехватил запястье нападавшего и коротким, страшным по силе рывком крутанул его руку за спину. Одновременно с этим он с размаху припечатал коренастого лицом к бетонной стене.

– Слушай сюда, урод, – тихо, прямо в ухо хрипящему от боли бродяге произнёс новенький. – Меня зовут Пилот. Я пришёл сюда работать, а не лаяться с цепными псами. Спать я буду здесь. Если кто-то из вас решит потрогать мои вещи или подойти ко мне ночью – сломаю шею. Первому – тебе. Всем всё понятно?

Трое у печки сидели не шелохнувшись. Они увидели не просто очередного оборванца с рынка, а профессионального, хладнокровного бойца, который не боялся пустить кровь.

Пилот резко отпустил коренастого. Тот сполз по стене на пол, сплёвывая кровь и держась за вывихнутое плечо, но лезть в драку снова не решился. Парень спокойно развернулся, сел на свою кровать и принялся неторопливо снимать обувь, демонстрируя абсолютное пренебрежение к поверженному противнику. Первое знакомство состоялось.

* * *

Закрыв глаза, Пилот долго лежал, притворившись спя-

щим. Нужно было подстраховаться от мести пришлых. Через некоторое время он зафиксировал, что дыхание жильцов замедлилось и стало равномерным – все уснули, побоявшись что-либо предпринять.

Убедившись, что опасности нет, он спокойно погрузился в сон.

* * *

Раскалённый летний воздух дрожал над серой лентой бывшей взлётно-посадочной полосы, которая вплотную примыкала к главному зданию терминала. Неподалёку на бетонке застыли два старых самолёта. В этом мире они уже давно не поднимались в воздух, но местные берегли их как священные реликвии: регулярно сметали пыль с фюзеляжей, прогоняли птиц из огромных турбин, протирали иллюминаторы и подкрашивали обшивку, сохраняя память о прошлом.

Прямо перед этими железными гигантами инструкторы безжалостно гоняли курсантов по плацу: бесконечный изнурительный бег сменялся сотнями отжиманий на горячем потрескавшемся асфальте. Мышцы парня, не привыкшие к подобным сверхнагрузкам, горели от боли, а лёгкие буквально разрывались от нехватки воздуха.

В какой-то момент силы окончательно покинули его. С непривычки он рухнул на землю лицом вверх и уставился в бескрайнее чистое небо. В глазах темнело, а голова кружи-

лась так сильно, что огромный терминал Аэропорта казался плывущим куда-то в сторону.

Вдруг солнце над ним закрыла массивная фигура. Главный инструктор с размаху пнул парня тяжёлым армейским сапогом по бедру и яростно закричал:

– Чего развалился?! Хватит летать в небе, как пилот! Давай, вставай!

Другие курсанты, которые занимались уже давно и умели выдерживать эту адскую нагрузку, завершили упражнение и стояли неподалёку. Услышав окрик командира, они дружно загоготали и стали подтрунивать: «Ну точно, пилот... Вставай, Пилот, пора в полёт!»

От этого обидного смеха, криков и резкой боли парень рванулся вверх и... открыл глаза в темноте жилища пришлых.

* * *

За следующие несколько дней Пилот наглядно доказал, что его слова на рынке не были пустой похвальбой. Весна на Окраине требовала от общины предельного напряжения сил, и пришлых с самого рассвета выгоняли на изнурительные работы. Там, где обычные бродяги быстро выбивались из сил, Пилот работал как отлаженный, неутомимый механизм. Он в одиночку ворочал тяжёлые бетонные блоки и таскал брёвна. Не расходуя силы на бесполезную ругань или жалобы,

он просто молча и методично брал на себя самые сложные участки, демонстрируя выносливость и трудолюбие.

Уже к исходу четвёртого дня негласное лидерство на этаже пришлых окончательно и бесповоротно перешло к нему. Старожилы его комнаты теперь не только освободили ему лучшую койку, но и старались угостить Пилота щепоткой табака. Бывалые бродяги начали понимать: этот немногословный здоровяк быстро станет членом коммуны и сможет их тоже зацепить с собой.

* * *

Вечером пришлые собрались у потрескивающей дровами буржуйки. На чугунной плитке весело шкворчала каша с кусочками мяса – мастер, руководивший работами по очистке источника воды от зимних завалов, заметил усердие Пилота и выделил ему дополнительный паёк, который тот честно разделил между товарищами по комнате.

Парень отдыхал на своей койке, откинувшись спиной на бетонную стену.

– Слышь, Пилот, – негромко начал разговор один из пришлых. – Ты пацан башковитый, пашешь как буйвол. Только не думай, что обычные мастера это заметят. Тут всё не так просто. – Наш мастер – мужик правильный, но в Пятиэтажке его слово далеко не закон. Он не выведет нас в люди.

– А чьё тут закон? – как бы между прочим спросил Пилот.

– Формально у них тут Совет – старые мастера, да бывалые солдаты. Только по факту всем домом заправляет один человек – Ворчун.

– Что за Ворчун? – Пилот попытался не придавать своим словам эмоциональной окраски. – Я слышал на рынке, что в Пятиэтажке какой-то старик знатную непробиваемую оборону соорудил. Это он?

– Он самый, – подал голос другой бродяга с соседней койки. – Сухой, еле ходит и вечно недоволен. Его никто не любит, даже члены коммуны. Но все признают, что он гений, дьявол науки. Как старик скажет – так вся коммуна и делает.

– Старый, дряхлый... А что будет, если он откинет копыта? – Пилоту не терпелось прозондировать обстановку глубже. – Коммуна загнётся?

– У него ученик есть. Парень молодой, сын одного из мастеров, на рынок с отцом часто товары возит. Андреем зовут. Ворчун его в мастерской чертежам учит, физике всякой. Старик на него все надежды возлагает, преемника себе растит.

Пилот перевёл взгляд на огонь, пляшущий в щелях буржуйки. Новая информация меняла расклад: устранение Ворчуна теперь не откроет дорогу к власти. Понадобится что-то придумать и насчёт преемника: «Ну что ж, Андрей, – подумал он, прикрывая глаза. – Посмотрим, насколько ты умён».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.